

СУДЬБОТНЯЯ ВСТРЕЧА

— Татьяна, что за слухи ходили о том, что вас увез из страны какой-то шейх или нефтяной магнат?

— По-моему, это заслуга "Московского комсомольца". Моего мужа до сих пор зовут арабским шейхом благодаря той заметке. На самом деле по образованию он юрист, закончил МГУ. И в то время занимался нефтяным бизнесом. Кстати, потерял много денег во время кризиса, так что до шейха нам ой как далеко. А потом торговать нефтью захотели все, это стало уже очень опасно, и он этот бизнес продал. Сейчас занимается строительством.

— А как пересеклись ваши пути-дорожки?

— Я работала в программе "Утро" — сама снимала сюжеты, писала тексты, была ведущей, придумывала рубрики. Однажды мне позвонила женщина из его фирмы и предложила взять интервью у их генерального директора. Тогда в очередной раз подскочили цены на бензин, и мы решили: почему бы не попытаться крупного бизнесмена на этот счет? Так мы с ним познакомились — без его инициативы и без моей, только благодаря этой женщине-менеджеру.

— И во время интервью вспыхнула любовь с первого взгляда?

— Нет, конечно. Я бы сказала — это была любовь со второго взгляда. Мы были взрослые люди, у меня семья, у него тоже семья, двое детей. После этого мы даже не созванивались, но через два-три месяца я работала на международном фестивале "Ступень к Парнасу". Как всегда, нужны были спонсоры. И я вспомнила про эту фирму. Они согласились дать деньги и спросили, как могут поучаствовать в фестивале. Я предложила им учредить свой приз. Например, тому, кто займет последнее место. Фестиваль я вела в паре с Димой Крыловым. Смотрю, он ходит и хитро улыбается. И вдруг в конце объявляет приз самой очаровательной ведущей — поездка на Канарские острова в пятизвездочный отель. Я от неожиданности лишилась дара речи. На следующий день сказала той женщине: "Спасибо большое, но я нигде не поеду. Это странно — как это я одна, без мужа, отправлюсь на какие-то острова". Она говорит: "Танечка, не переживайте, поедет большое количество народу, вы можете примкнуть к любой группе". Посовещавшись дома, я все-таки поехала. И там был он. Один, без семьи. Вел он себя идеально! Это было настолько корректное, подчеркнуто любезное поведение, на такой дистанции, что мне даже обидно стало. Хотя, конечно, я понимала, что я ему нравлюсь. И он мне уже нравился. Но ничего не было. Мы вернулись в Москву, пару раз встретились, выпили кофе.

— Чем он вас покорила?

— Мне было интересно с ним общаться. Он был мужчина нового времени. Умный, образованный, порядочный. У него очень много крови в роду намешано — и греческая, и армянская, и грузинская, — и с женщиной обращение совсем другое. Для него женщина — это женщина. Я уверена, что он умеет выражаться крепко, но я никогда этого не слышала. И потом — у него был очень мужской взгляд. Именно глаза. Он на меня так смотрел, что я совершенно терялась. Знаете, как мужчина умеет смотреть на женщину? — я что-то говорю, а он смотрит просто не мигая. Меня это как будто раздвело. И нравилось, что он на меня так смотрит. Спустя месяца три оказалось, что он уже давно ушел из дома, взяв только свою одежду, и снимает квартиру. Так мы встречались где-то полгода — ничего, кроме разговоров. Но они становились все чаще и длиннее. Я по-прежнему жила в семье, а однажды ночью проснулась от того, что вслух произнесла его имя. Тут я поняла, что дело плохо, что последний предел настал. И Юра, наверное, тоже это чувствовал, потому что пригласил меня в Таллин. Хотя отношения у нас были чисто платонические. И я согласилась. Сил сопротивляться уже не было. Мы провели там прекрасные три дня, рано утром приехали в аэропорт, и он сказал: "Ты должна позвонить и сказать, что больше домой не придешь". Я ответила, что не могу. Просто язык не поворачивался это выговорить. Но он привел меня в телефонную будку, перед этим купил мне коньяк и заставил выпить для храбрости. Меня всю трясло, дрожали пальцы, я боялась, что вырвоню трубку. Он набрал номер и сказал: "Говори". Только эту фразу я и смогла выпалить: "Я больше не вернусь".

— И что ответил муж?

— Мой муж приехал встречать меня в аэропорт, была жуткая сцена с чемоданом — кто его должен взять. Народ вокруг смотрел, меня все узнавали, им было очень интересно — промозглая ноябрьская погода, девять утра, двое мужчин и одна женщина пытаются выяснить, к кому должен ехать ее чемодан. Так началась наша совместная жизнь с Юрой. Я действительно больше не вернулась домой.

У меня было постоянное чувство вины, но, с другой стороны, я понимала, что все правильно. Так, Юра, чтобы оградить меня от этого, специально нанял адвоката, когда я разводилась. Я написала доверенности, и меня развели без моего присутствия.

— С сыном были проблемы?

— Сыну все понял. Ему было уже девять лет. Когда мы переехали к Юре, получилась очень забавная ситуация. Там было всего две комнаты, и каждый раз утром я тихонечко приходила в комнату, где спал сын, и ложилась там на диван. Чтобы он чего не подумал. Но он был уже большой мальчик и, наверное, удивлялся: чего это мама вытворяет? Однажды, собравшись с духом, мы стали ему объяснять, что в жизни бывают разные ситуации, что родители разводятся. Он слушал, слушал и говорит: "Да я давно все понял, все нормально. Не надо ничего рассказывать".

— Таня, поступая в ГИТИС, вы наверняка мечтали стать театральной актрисой. Почему же не сложилось?

— В театр я не попала по очень банальной причине — я не была москвичкой. Вернее, меня брали в театр Маяковского, объяснив, что нужно сделать прописку и в начале сезона прийти в театр. А я по молодости совсем об этом не думала. Я снималась в кино — как раз в "Здравствуйте, я ваша тетя". Могла себе позволить снимать квартиру. Мне казалось, что жизнь прекрасна. И на чистом глазу я пришла в театр, ходила туда месяца два, ждала, когда мне дадут роль. Пока однажды Гончаров на меня не налетел и не устроил совершенно жуткий разговор — почему я хожу, ни о чем не думаю, и где вообще моя голова. Он так на меня кричал! Я была страшно перепугана, пулей вылетела из театра. И после этого случая не только в театр не могла войти, я целый год на улице Герцена боялась попасть: вдруг я встречу там Гончарова?

— А как в вашей жизни появилось телевидение?

— В кино тебя либо приглашают на три картины сразу, либо никто не приглашает. Тогда и начинаешь задумываться: что же дальше? В один из таких простовесов мне сказали, что объявлен конкурс директоров, почему бы мне не пойти. Идея поначалу показалась мне довольно дикой. В моем представлении образ телеведущей был — Нонна Бодрова. Женщина с низким поставленным голосом, с большой прической, волосы седые. При чем тут я? Тем не менее я пошла. Конкурс был очень серьезный, но я и готовилась серьезно, занималась с очень известным чтецом, народным артистом СССР. И меня взяли. Первый год я как-то совсем не вписывалась в общую колею.

— Вы, по-моему, вообще никогда в нее не вписывались.

— Да, у меня даже были конфликты на работе из-за этого. Я совершенно не красилась и действительно резко отличалась от других — стрижка под мальчика, никаких наклеенных ресниц. Даже вышла смешная история. У нас шло вещание на Восточную Сибирь, частично захватывался и Китай. И мне наши парикмахеры говорили: "Тань, ты что, за дружка с Китаем?" Я не понимала, что это значит, пока однажды не получила письмо из Китая, где было написано, что в моей внешности есть что-то китайское. Тут я решила: "Нет, глаза все-таки надо подкрасивать". Еще я постоянно опаздывала на работу, и меня вызывали "на ковер". Ведь на телевидении опаздывать нельзя. Тогда в основном были прямые эфиры через спутник. Я никак не могла понять, что опаздываю на секунду — и спутник просто улетит.

— Вы так не любили рано вставать?

— Не в этом дело. Просто кино не очень-то дисциплинирует. Ты героиня, с тобой все носят. На телевидении все иначе — ты сам по себе, никто тебя не оберегает. Я помню мой первый эфир на европейскую часть страны. Я пришла в студию и представила, как перед телевизором сидит мама, родные, друзья. А может, и кто-то из правительства, иностранцы, посольства. От этой мысли меня охватила жуткая паника. Я отработала, но, когда вышла из

Я помню "Остров Крым" Аксенова. Там была главная героиня — телеведущая.

Блондинка с голубыми глазами. Она читала новости так, что мужчины впадали в оцепенение, начисто забывая значения русских слов. Они слышали только звук ее голоса, они видели только ее улыбку. Некоторые даже начинали тихо покусывать. По-моему, ее тоже звали Таня. Впрочем, если бы ее даже звали Фросей, ошибиться было невозможно. Другой такой у нас не было.

Не знаю, писал ли Аксенов портрет Татьяны Веденеевой или просто придумал собирательный образ. Но если придумал, то придумал он именно ее. Только глаза у нее карие.

Она исчезла так же внезапно, как и появилась. Исчезла надолго, до сих пор всплывая в рейтингах и опросах населения как любимое лицо с телеэкрана. А некоторые, давно возмужавшие ловеласы до сих пор считают передачу "Спокойной ночи, малыши!" с тетей Таней своими первыми уроками полового воспитания.

КИТАЙСКАЯ ЖЕНА

АРАБСКОГО ШЕЙХА

Татьяна ВЕДЕНЕЕВА:
"Опоздаешь на секунду — и спутник улетит!"

студии, у меня от нервного напряжения так болели плечи, будто я грузила вагоны. Я долго не могла от этого избавиться, пока Игорь Кириллов, наш художественный руководитель не вызвал меня и не сказал: "Таня, несмотря на то, что вы у нас кинозвезда, вы очень скованны в эфире. Если это не пройдет, боюсь, нам придется расстаться". И этого было достаточно, чтобы я мгновенно собралась и перестала думать о посылках.

— Скажите, а как выпускница ГИТИСа попала в звездную компанию фильма "Здравствуйте, я ваша тетя"?

— Честно говоря, не знаю. Когда меня пригласили сниматься, я была немножко огорчена. Я бы хотела играть одну из двух сестер — там много слов, там было что играть. А тут опять "голубая героиня" — ходить, смотреть и ничего не делать. Идея фильма принадлежала Георгию Ресбергу, очень знаменитому оператору. Наверное, ему казалось, что у меня английский тип лица. А спустя пять лет, уже работая на телевидении, я ездила в командировку в Англию, и все англичане говорили, что я страшно похожа на их принцессу. Я думала: какая принцесса? А в тот момент было обручение Дианы с Чарльзом. Мне показали ее фотографии — действительно, типаж один. Но я-то считала, что я лучше. Даже обиделась — как это я на нее похожа, у нее такой нос большой. Но мне это и льстило тем не менее.

— Вы приехали туда как молодая советская звезда?

— BBC сняло документальный фильм о Москве, где я была главной героиней — журналисткой. И меня пригласили в Англию на премьеру. Я давала по 30 интервью в день. Просто с ума сходила. И все спрашивали: сколько у вас вечерних платьев? Я начинала судорожно считать и гордо говорила: четыре. Они удивлялись — а у нашей ведущей четыре-ста четыре. Я объясняла, что у нас в Советском Союзе мне просто не нужно четыре-четыре платья, скромно умалчивая, что в однокомнатной квартире их просто некуда деть.

Кстати, в Англии один очень известный модельер дважды предлагал мне сниматься для Times в его платьях. В первый раз я пошла в посольство спрашивать разрешения. Мне ответили: "Да вы что! Вы работаете на советском телевидении, вы же не манекенщица". А он обещал, что любое свое платье потом мне подарит. Было так обидно, но пришлось отказаться. Когда я приехала второй раз, он снова предложил свои услуги. И я приняла его предложение. Для разворота в Times им нужно было четыре фотографии. Я как советский человек твердо сказала: две — ваши, но две — мои. На них я была в одежде от Зайцева. Так я Славу в Times прорекламировала. Снимки были подписаны: "Красная звезда в платье от русского Диора Зайцева".

— Тогда вы постоянно одевались у Зайцева? И кому сейчас отдаете предпочтение?

— Кого-то одного не было никогда. В свое время меня считали слишком смелой, коллеги периодически на собраниях говорили, что я чересчур модно одеваюсь, слишком многое себе позволяю. Но я ужасно устала от одежды за время работы на телевидении. Я зарабатывала приличные деньги — и все их тратила на одежду. Если ты ведешь не только новости, но и "Спокойной ночи, малыши!", и "Огоньки", и концерты, то нужно много разной одежды. И все это за свой счет. Что-то я у спекулянтов покупала, потому что в магазинах ничего не продавалось. Иногда это были даже не новые вещи, чуть-чуть поношенные. Еще я была вынуждена шить. Первым из знаменитостей в моей жизни появился Зайцев. Что меня сразило наповал — он сказал: "Таня, в Доме ткани надо купить три метра подкладки и двенадцать метров японского шифона". Я думала, мне станет плохо! По тем временам японский шифон стоил очень дорого. У меня рука не поднялась, и я все-таки купила десять метров. Слава сделала очень красивое платье с шикарной необъятной юбкой. Потом был Валя Юдашкин — он очень много платьев давал мне просто так, напрокат. Валя таким образом многих артистов привлекал на свою сторону. А когда появилась возможность покупать у серьезных западных модельеров, я уже к этому особю не стремилась. Я покупала только то, что мне идет и реально нужно.

— Вы обмолвились про правительство. Были ли у вас там покровители, симпатизировал ли вам кто-то?

— Сказать, что я непосредственно контактировала с кем-то, я не могу. Но симпатии, безусловно, были. Примерно через год после того, как я стала диктором, Брежнев в первый раз ездил во Францию. Меня вызвали в ЦК и сказали: "С нашим генеральным секретарем поедет большая делегация — на французском канале TF-1 будет день советского телевидения. Нам нужна ведущая, и мы решили пригласить вас. Честно говоря, мы очень рискуем. Вы для нас человек новый, а мы посылаем вас в прямой эфир в капиталистической стране. Но французы жутко, что мы пришем солидную ведущую, проверенного члена партии. А мы их перекригиваем. И пришем вас. У вас будет образ внуки эмигрантов первой волны". Уже потом до меня дошли слухи, что я очень нравилась лично Леониду Ильичу Брежневу.

А вскоре после этой поездки мне довелось вести очень серьезный концерт: десять народных артистов СССР — Райкин, Биешу, Нестеренко, Магомаев, Синявская, Зыкина, еще кто-то. И я. На прогоне сидел человек невысокостого роста с палочкой — я и Биешу в примерке спросила: кто это? Она говорит: "Детка, начальство надо знать в лицо". Это был министр культуры. И только тогда я узнала, что это будет концерт ко дню рождения Брежнева. И всех артистов, включая меня, Брежнев выбрал лично. Че-

ловек с палочкой спрашивал, кто во что будет одет. У меня было только одно незабвенное вечернее платье — бархатное, темно-бутылочного цвета, красивое, но на одно плечо. Я сказала, что платье есть, и с ужасом добавила: "Но одно плечо голое". Министр улыбнулся хитро и сказал: "Если у вас будут оба плеча обнажены, это даже лучше".

— Как все прошло? Голое плечо имело успех?

— Накрытые столы, огромный Георгиевский зал, приглашенные верхи компартий всего мира... Нам было сказано: на сцене ни одного лишнего слова — выступил и ушел. Единственная, кто не сдержалась, — Зыкина. Сказала целый спич в честь Леонида Ильича. Была невероятная смена блюд, но никто из нас ничего не ел, все очень нервничали. Только после выступления расслабились. А я вообще ничего не попробовала, потому что периодически должна была объявлять номера. Мне остался только десерт — пирожное, а на нем белый лебедь из крема. И глаза, и носик красный — прямо произведение искусства. Такой красивый, что я не смогла его съесть. После концерта всех народных артистов увезли черные "Волги", а мне-то машины не положено. Время — часов пять вечера, у меня через полчаса съемка. И как выбираться из Кремля в этом моем платье — не знаю... Стою растерянная в холле, ко мне подходит человек из отдела ЦК — по-моему, Шапиро его звали — и говорит: "Что вы тут стоите?" Я ему — так и так, опаздываю, а машин нет. Он: "Позвольте я вас подвезу". Выхожу на улицу — боже мой! — стоит длинная черная правительственная машина. На этой машине в вечернем платье я подъезжаю к "Останкино". Люди идут с работы, на работу... Мне открывают дверцу, Шапиро подает мне руку и провожает до входа. Какие потом пошли слухи, вы можете себе представить...

— Вам не завидовали ваши коллеги? Не пытались вас выжить?

— Выжить — нет. Чтобы человека уволили, он должен был сам серьезно провиниться. А после того как меня Кириллов пропесочил, я старалась работать очень хорошо. Отдавала все силы. Это шло в ущерб семье, безусловно. Не верю тем, кто говорит, что можно быть доктором наук и иметь троих детей. Я очень много нянь для сына нанимала, но никто меня не выдерживал. Не потому, что характерами не сходились, — просто им приходилось сидеть с ним по десять-двенадцать часов в день. И спустя полгода они отказывались. Я ведь из Волгограда, никого из родных в Москве не было. А иногда так хотелось поплакаться маме... Я очень завидовала людям, которые живут в Москве. Даже если с мужем поссорилась — раз, и поехала к маме, она тебя пожалела. А мне некуда было ехать.

— А кем был ваш первый муж?

— Он был художник-график. Последнее время увлекся флорентийскими мозаиками. Его работы висят сейчас в Даниловом монастыре, в резиденции патриарха. Он человек творческий и хорошо меня понимал, в какой-то степени даже помогал. Он не был прихотлив, ему не нужно было жарить пирожки, разнотолы всякие готовить. Еще он очень строго и критически относился к тому, как я выгляжу на экране. Я могла купить кофточку и прыгать от счастья, а он, посмотрев на меня, говорил: это ужасно и ни в коем случае нельзя надевать. И я точно знала: если он сказал — так и есть. У него был очень хороший вкус.

— Правду ли говорили, что он пил?

— Не то чтобы пил... Мы прожили вместе пятнадцать лет, но когда началась перестройка, с ним случилось то, что бывает с основной массой художников, к сожалению. Это невестрелованность. И, естественно, начинается это. Сначала меня это не сильно огорчало — я была занята работой. Но у нас рос маленький ребенок, и я понимала, что в его сознании закладывается неправильный образ: мама должна работать, куда-то вечно спешить, а папа не должен работать — он сидит дома с бутылкой коньяка и читает. Это ужасно. И конечно, это нашу семью развалило.

— Вы расстались с любимой работой ради нового брака? Или потому, что Юрий работал за границей?

— Нет, он вовсе не настаивал на этом. Да и необходимости такой не было. Ушла я совершенно по другой причине. Дима, мой сын, решил учиться в Англии. Он сдавал там экзамены в школе, мы с мужем приехали подписать бумаги. Но какие-то документы я оформить не успевала, и мне нужно было задержаться буквально на четыре дня. Я позвонила на работу и попросила отпуск за свой счет. Мне сказали — нет. Причем в категоричной форме: или возвращайся, или пиши заявление об уходе. Я расстроилась, даже разозлилась. Подумала: я пятнадцать лет работала, отдавая все, а меня на четыре дня не могут отпустить впервые за все пятнадцать лет!.. Написала заявление об уходе и послала его по факсу. На следующий день меня уволили. Я, конечно, думала, что это страшный сон, что это невозможно. Даже мои коллеги были поражены. Они говорили: "Тебе скоро позвонят, и все встанет на место". Но никто не позвонил.

— Как же вы пережили это?

— Это был просто шок. Ведь свою работу я безумно любила, и мне кажется, она мне очень подходила. У меня была депрессия, я почти болела, даже к врачам обращалась. Но врачи сказали: "Вы не наша пациентка — вам просто нужно чем-то заняться". Мы с мужем надолго уехали за границу, и я всем друзьям сказала твердо: "Мой телефон не давайте никаким журналистам". Я не хотела ни о чем рассказывать, плакаться, поднимать шум... Так и появилось мнение, что я уехала из страны. А на самом деле я периодически появлялась здесь. Наверное, могла и сама позвонить и сказать: вы не хотите, чтоб я вернулась?.. Но тут уже гордость сыграла свою роль. У меня родственники — донские казаки, это у меня в генах.

— И чем же вы занимались все это время?

— Я стала изучать английский язык — это первое, что пришло на ум. К тому же это было просто необходимо. А однажды мужу кто-то привез в подарок из Тбилиси соус ткемали. Это национальное достояние Грузии. Я его первый раз в жизни попробовала, и это было так вкусно, что бутылка кончилась немедленно. Стала спрашивать, где его можно купить, но оказалось, что только домохозяйки в Грузии его делают. Я стала твердить: "Как бы нам начать его производить?" Юра сказал, что это несерьезно. Я пыталась найти людей, которые дадут деньги. Но при одной фразе, что ткемали — это дикое дерево, и растут они в горах Кавказа, на меня смотрели как на чудную. Уже шла чеченская война, никто и слышать об этом не хотел. Первым сдался муж. Потом я нашла швейцарскую фирму — они вложили деньги и предложили производить это в Болгарии. Так появилась наша компания "Трест "В". Швейцарцы считают, что это очень перспективный продукт, ему нет аналогов в мире. Мы послали в Англию партию на пробу, так англичане были в восторге. И самое главное — он экологически чистый. Для Европы это очень важно — они же трясутся над своим здоровьем. На экологической выставке в Москве в конце мая мы получили золотую медаль. Я была просто счастлива. Теперь хочу принять активное участие в общественном экологическом движении.

— И как вы выкопали этот грузинский рецепт?

— Для начала пригласили к сотрудничеству академика Багатуряна, очень известного ученого. Провели в Грузии конкурс для домохозяек — кто сделает лучшие рецепты. Единственная просьба была — с точностью до миллиграмма описывать все составляющие. Мы выбрали самые лучшие сочетания, и академик Багатуряна поехал в Голландию, в супердорогие лаборатории. Туда можно привезти любой рецепт, и они изобретают технологическую схему — как и на каком оборудовании это можно производить. Мы разработали 15 вариантов вкуса. В Грузии у нас филиал, который занимается сбором урожая: местное население вручишь на лестницах собирает дикулю сливу. В общем, все это сложно очень. Первая прибыль — если она будет — минимум через три года, и то небольшой. Пока это только вложения.

— У вас прямо глаза горят, когда вы все это говорите... Не страшно было так резко менять сферу деятельности?

— Я была так долго не востребована! Но сколько можно переживать, болеть и страдать?! Я поняла, что нужно делать что-то новое. Сейчас, кстати, мне предлагает сотрудничество Первый канал телевидения, но пока я не могу решить, нужно ли мне это. Мне жаль бросать то, что у меня начало. Это как ребенок, который у меня родился...

Катя ПРЯНИК.
Фото Александра АСТАФЬЕВА.